

**МОНГОЛЬСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**
Институт истории и
археологии

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
АССОЦИАЦИЯ
МОНГОЛОВЕДОВ**

**РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК**
Институт восточных
рукописей

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛОВ: КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

III

**Международная конференция
при поддержке Президента Монголии**

20-22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург

Сборник докладов

Санкт-Петербург - Улан-Батор
2019

ННА-72
ДАА-378.121
М-694

Ответственный редактор:
Редакторы, составители:

Академик С.Чулуун
доктор филол.наук И.В.Кульганек

Ph.D Н.Хишигт

Ph.D Б.Нацагдорж

Ph.D Н.В.Ямпольская

Ph.D Н.Ганбат

доктор филол.наук Л.Г.Скородумова

Рецензенты:

Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Сборник докладов III международной научной конференции. 20-22 апреля 2017 г. Санкт-Петербург. Россия. СПб.-УБ., 2019 г. -254 с.

Сборник представляет собой собрание докладов III международной научной конференции **"Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов"**, организованной Институтом истории и археологии МАН и Институтом восточных рукописей РАН в г.Санкт-Петербург, 20-22 апреля 2017 г.

Основой для конференции стали рукописные фонды и архивы, хранящие документы и материалы по истории, культуре, этнографии, политике, языку монгольских народов.

В сборнике публикуются доклады, освещающие историю монголоведения, а также доклады, посвященные рукописным материалам о материальной культуре монголов, их письменному наследию, художественному творчеству, экспедициям и разным сторонам жизни традиционного и современного монгольского общества.

ISBN 978-99978-773-4-5

DOI 10.25882/76vd-bb41

© Институт истории и археологии МАН, 2019 г.

© Институт восточных рукописей РАН, 2019 г.

© Международная Ассоциация монголоведов, 2019 г.

Ю. И. Дробышев

КОЧЕВАЯ ИМПЕРСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

DOI 10.25882/zxza-4b78

Статья посвящена рассмотрению контактов кочевых народов с оседлыми соседями с эпохи хунну до времени возникновения Монгольской империи под углом зрения заимствований в сфере идеологии. Автор приходит к выводу, что взаимодействие кочевых и оседлых цивилизаций в Центральной Азии имело сложный характер, вследствие чего выяснение преемственности имперской идеологии в степях требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: имперская традиция, кочевники, Центральная Азия, идеологические заимствования.

Yuliy Drobyshev

NOMADIC IMPERIAL TRADITION AND ITS EVOLUTION

The article is devoted to contacts of nomadic peoples with their sedentary neighbors since the era of Hsiung-nu till the time of the Mongol Empire from the perspective of borrowings in the sphere of ideology. The author comes to the conclusion that interaction of nomadic and sedentary civilizations in Inner Asia had complex character, so elucidation of succession of imperial ideology in the steppes requires further research.

Key words: imperial tradition, nomads, Inner Asia, ideological borrowings.

«Хотя татары алчны и ненасытны, они первоначально не имели дальних замыслов».

Ли Синь-чуань. Различные официальные и неофициальные записи о [событиях], произошедших с периода правления Цзянь-янь. Сборник 2. Цзюань 19.

Кочевые империи можно рассматривать как результаты реализации «мироустроительных» идей в Центральной Азии, идущих рука об руку с объективными процессами консолидацииnomадов

в политические организмы, что очень хорошо показано в работе Дж. Флетчера [Fletcher 1979-1980, с. 236-251]. В номадологии уже давно стало общим местом утверждение о том, что кочевники не создали бы никакие империи, не будь по соседству с ними империй оседло-земледельческих. Мы бы предпочли воздержаться от столь категоричных утверждений, хотя доля истины в них, безусловно, есть. В любом случае, путь от племенного вождя до хана всех ханов весьма далек, и без определенного идеологического багажа пройти его вряд ли возможно. Власть обязана доказывать свою легитимность: сначала своим сородичам и соратникам, затем остальным номадам, «кнутом или пряником» вовлеченным в процесс построения степной монархии и, наконец, оседлым соседям, которым в очень брутальной форме предполагается навязывать даннические отношения. В последние десятилетия из кочевниковедческих исследований выделилось новое перспективное направление, нацеленное на изучение степной элиты⁷. Можно надеяться, что оно существенно приблизит разгадку почти мгновенного, по историческим меркам, возникновения в степях гигантских государств. Идеология кочевых элит нашла отражение в широком спектре археологических и нарративных источников, причем максимальное их количество и разнообразие приходится на период Монгольской империи.

Говоря о степной традиции политогенеза, последовательно приводившей к возникновению мощных кочевых империй, необходимо помнить о ее определенной гетерогенности. Феномен, обозначаемый словами «кочевая имперская традиция», складывался из различных составляющих и трансформировался в течение многих веков. В его формирование внесли вклад различные культуры, с которыми соприкасались кочевники, причем сами эти культуры тоже эволюционировали, и их влияние на номадов в разные эпохи было неодинаковым.

В степях могло существовать как минимум два канала передачи представлений о сакральной силе правителя и его роли «мироустроителя», практически независимых один от другого, но, вместе с тем, открытых для взаимодействия. Условно их можно обозначить как тюркский и монгольский. Оба опирались на древнюю

⁷ Историографию вопроса см.: [Мейкшан 2016].

традицию сакрализации власти, в которой главенствующая роль отводилась Небу, но в первом более заметны элементы иранского учения о божественной легитимации верховной власти, а второй нес больше китайских космологических представлений [Fray 2005, с. 27]. Монгольская политическая культура на рубеже XII-XIII вв. впитала и что-то из тюркского наследия (как и тюркская из китайского), однако вопрос о том, что же именно монголы заимствовали у своих тюркоязычных предшественников в искусстве построения идеологической основы кочевой империи, а что взяли у Китая, еще не имеет однозначного ответа.

В первую очередь в качестве донора идей вспоминается Китай, где уже в каноническом конфуцианском произведении «Ли цзи» («Книга ритуалов», IV-I вв. до н. э.) была провозглашена максима, по духу чрезвычайно близкая степным монархам, да и не только степным: «На небе не может быть двух солнц, на земле - двух государей»⁸. Мнение о ведущей роли Поднебесной в развитии универсалистской идеологии уnomадов разделяется многими исследователями [Saunders 1965, с. 85; Rachewiltz 1973, с. 29; Franke 1978, с. 18; Франке 2008, с. 350, 355; и др.]. Действительно, постоянные контакты кочевников с Китаем значительно обогатили их культуру, в том числе и в плане политических учений. Пользуясь благоприятной ситуацией, степные вожди провозглашали себя императорами, вводили девизы правления по китайскому образцу, перенимали дворцовый церемониал. Наибольших успехов в этом достигли тобасцы в IV-VI вв., потом кидани в X-XII вв. и, наконец, монголы, которые, в отличие от своих предшественников, смогли надолго установить власть над всем Китаем. Другие nomады, такие как хунну, жуаньжуани, древние тюрки и уйгуры, тоже заимствовали некоторые элементы китайской культуры, но в большей степени следовали кочевым традициям.

Не лишним будет поставить вопрос о том, что в рамках нашей темы понимать под Китаем, и с кем, собственно, вступали в контакт кочевники. Мы не будем углубляться в чжоускую и еще более ранние эпохи; начало истории классического nomадизма в Центральной Азии примерно соответствует времени централизации власти в

⁸ Цит. по: [Мартынов 1978, с. 39].

Поднебесной при Цинь Ши-хуанди (221-210 гг. до н. э.), и дальше начинается знаменитое противостояние Степи и Пашни в периоды Ранней и Поздней Хань (206 г. до н. э. - 220 г. н. э.). Этот отрезок времени можно определенно характеризовать как наполненный «просветительской работой» китайцев по отношению к «варварам». Ее цель, конечно, была направлена на подрыв могущества хунну. По крайней мере, известен план развращения воинственныхnomадов нежными шелками, изысканными яствами и прекрасными музыкантшами, но помимо этого, несомненно, в степь проникали некоторые фрагменты китайских политico-философских учений - скорее всего, в устной форме, но кое-что и в ходе дипломатической переписки. Знаменательное событие - появление при дворе Лаошаншаньюя (174-161 гг. до н. э.) китайского евнуха Чжунхан Юэ, из мести Хань научившего хуннуского лидера титуловаться в переписке с ханьским императором «Небом и Землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну» [Сыма Цянь 2002, с.366]. Достаточно вероятно, что евнух постарался просветить своего патрона относительно догматов китаецентризма, которые можно было поставить себе на службу.

Держава хунну, в конце концов, распалась, но распался и Китай, и в течение нескольких веков, вплоть до его нового объединения династией Суй в 589 г., различные группы кочевников на севере Китая фактически контактировали с режимами, созданными самими же кочевниками или их политическими наследниками из числа мятежного китайского генералитета. Даже основатели Первого Тюркского каганата (552-603) обменивались посольствами со слабосильными государствами Северное Ци (550-577) и Северное Чжоу (557-581), возникшими на обломках некогда мощной и значительно китаизированной империи Северная Вэй (386-534), основанной опять же бывшими кочевниками. Как много китайского было в те годы на землях Северного Китая, и какие политические идеи могли там позаимствоватьnomады, точно сказать трудно.

Фактически, самостоятельные контакты тюрков с южными соседями начались еще около 545 г. [Ecsedy 1968, с.132]. Какое большое значение придавали им nomады, видно из того восторга, который, согласно, впрочем, китайским же источникам, вызвал у них приезд согдийца Аньнопаньюто- посла из Западной Вэй (535-

557), наследницы Северной Вэй: «В орде все начали поздравлять друг друга, говоря: ныне прибыл к нам посланник из великой державы: скоро и наше государство возвысится» [Бичурин 1950, с.228]. Вождь тюрков Бумын (542-552) воспринял предложения о союзничестве как признание своей независимости и на следующий год отправил в Западную Вэй ответное посольство с дарами. Несомненно, появление в орде Бумына полномочного представителя западновэйского двора значительно усилило легитимность его власти в глазах кочевников, хотя само это государство, во главе которого находились представители сяньбийского рода Тоба, было далеко не «великой державой». Однако еще более любопытно другое. После кратковременного объединения Северного Китая, Западная Вэй пережила так называемый «сяньбийский ренессанс»: в 549 г. был обнародован указ о восстановлении сяньбийских фамилий и присвоении сяньбийских имен китайским чиновникам, в 554 г. предпринята попытка реставрации традиционной военно-родовой структурыnomadov, тобасцы опять стали заплетать косы, как они делали это согласно своим обычаям, попавшим в окитаевшейся империи под запрет. Иными словами, пытавшиеся вернуться к своим исконным корням тобасцы пошли на контакт с народом, кочующим примерно по тем же просторам, где кочевали их далекие предки, поэтому вероятность какого-либо «культуртрегерства» с их стороны по отношению к тюркам вызывает сильное сомнение.

Вместе с тем можно достаточно уверенно говорить о широких культурных заимствованиях тюрков Первого каганата у согдийцев, которых было много на караванных путях Центральной Азии⁹. «Имперскость» у последних практически не прослеживается ввиду рыхлой политической структуры Согда, хотя можно предполагать передачу ими тюркам некоторых великодержавных идей сасанидского

⁹ О том, что кочевая культура подпитывалась идеями как с Востока, так и с Запада, было известно давно. Т.Д.Скрынникова сформулировала понятие о двух культурных традициях, существующих у nomadов Центральной Азии- дальневосточной и западной. Проявления этого переплетения культур заметны в религиозно-мифологической сфере [Скрынникова 1998, с. 3-25]. Эти две традиции с некоторой натяжкой можно уподобить упомянутым в настоящей статье двум каналам трансляции имперской идеологии, условно названным нами тюркским и монгольским.

Ирана, с которым, кстати, тюрки соприкасались и непосредственно, особенно после установления общей границы по Амударье в 560-е гг. Возглавлявшие каганат выходцы из клана Ашина, по-видимому, имели богатый исторический опыт общения с ираноязычным миром, о чем говорят их имена и титулы тюркской знати [Sinor 1990, с.290; Golden 1992, с. 121; Rybatzki 2000, с. 217-218]. В предшествующие эпохи они контактировали с кушанами и эфталитами, чьи государства имели сильную централизованную власть. В 603 г. каганат распался на западную и восточную части. Правители Западно-туркского каганата интегрировались в политическую элиту Согда, Чача, Ферганы и других владений, а в Восточно-туркском каганате сложилась «вертикаль власти» с тенденцией к монархическому правлению, наиболее ярко выраженная при последнем кагане Хели (620-630, ум. 634).

Следующий цикл истории кочевников также прошел под водительством тюркоязычных народов, активнейшим образом контактирующих с централизованными китайскими империями, особенно с достаточно долговечной Тан (618-907)¹⁰. Политическая культура Второго каганата (682-744) и сменившего его Уйгурского каганата (744-840), хотя по-прежнему была открыта для согдийского воздействия, формировалась в немалой степени под влиянием китайской культуры. Достаточно сказать, что много сделавший для возрождения тюркского могущества после полувекового подчинения Китаю каганский советник Тоньюокук (646-724), по его же признанию, получил образование при танском дворе [Малов

¹⁰ Средневековая китайская историография сообщает, что предки танских императоров занимали высокие посты при дворе Северной Вэй и в дальнейшем получили заметную примесь тюркской крови. Так, мать основателя династии Тан Ли Юаня (566-635, правил 618-626) происходила из сильного тюркского клана Дугу, а его жена была дочерью суйского аристократа тюркского происхождения. Она родила Ли Юаню четырех сыновей, один из которых — Ли Ши-минь (Тай-цзун, годы правления 626-649) внес решающий вклад в укрепление Тан на международной арене [Попова 1999, с. 12-13]. Таким образом, даже блистательная Тан не была чисто китайской национальной династией, хотя «мода» на степные обычай, весьма сильная в начале правления этой династии, вскоре сошла на нет. Не случайно именно при Ли Ши-мине, принявшем не только титул императора, но и кагана (в 630 г.), Китай и Степь впервые в истории были объединены.

1951, с. 64]. И он не был одинок. Китайцы как при Тан, так и в другие исторические периоды практиковали включение лояльных представителей кочевой элиты в систему рангов империи, а их детей держали в качестве заложников и прививали им правильное, на их взгляд, представление об устройстве мироздания, в частности, о роли китайского императора как медиатора между Небом и Землей. Судя по некоторым заявлениям того же Тоньюокука, вынужденные служить Китаю кочевники принимали державные идеи на вооружение и затем, обретая свободу, переносили их в степи, в какой-то мере моделируя там китайские представления о субординации «установленного Небом» центра и «варварской» периферии.

Уйгуры продолжили имперскую традицию и, хотя их правящий род Яглакар после 763 г. находился под обаянием манихейской проповеди согдийской диаспоры, переоценивать роль этого вероучения в политических установках каганата не следует. В равной мере нет нужды приписывать уйгурам едва ли не все культурные достижения монголов накануне создания ими империи. Во всяком случае, о передачи ими монгольским хаганам каких-то философских понятий в сфере управления имеющиеся источники не сообщают, ввиду чего трудно принять точку зрения Т. Олсена, что уйгуры выступили для монголов передатчиками политических идей безотносительно того, откуда они исходили - из Китая, Ирана или Центральной Азии [Allsen 1986, с. 496].

После гибели Уйгурского каганата в 840 г. в степях надолго воцарилась анархия, до некоторой степени сдерживаемая киданьским государством Ляо (916-1125), которое в несколько этапов подчинило кочевые племена. Кидани (точнее, их верхушка) прошли процесс глубокой синизации и усвоили китайские имперские идеи, но воплотить их в жизнь в полной мере они не смогли; к тому же, по-видимому, в эту эпоху в Центральной Азии еще не было лидеров, способных их перенять. Зато, на наш взгляд, кидани очень много сделали для возвращения в Чингис-хане универсалистских амбиций спустя несколько десятилетий после потери ими власти на своих собственных землях. Потомки киданьского императорского рода Елюй уже в самом начале XIII в. появились в ставке монгольского хана, и есть весомые основания полагать, что они последовательно и

целенаправленно внушали Чингис-хану идеи мирового господства, которые принципиально отличались от внешне сходных идей прежних кочевых вождей, озабоченных властью только над Степью¹¹. Кидани не были идеологическими новаторами, они всего лишь адаптировали китайские политические учения о Сыне Неба и его сверхзадачах, но зато именно они оказались «в нужное время в нужном месте» и донесли их до харизматичного монгольского владыки, при этом преследуя свои интересы - реставрацию Ляо руками монголов. Как показало дальнейшее развитие событий, Чингис-хан распорядился этим идеологическим наследием по-своему¹², и в результате возникла кочевая империя, не имевшая аналогов в истории.

Необходимо отметить, что и сами монголы, по-видимому, имели возможность напрямую знакомиться с тюркскими мироустроительными представлениями, минуя тех же киданей [Biran 2004, с. 340–342]¹³, которые могли играть роль передаточного звена как в пространстве (с китайского юга на монгольский север), так и во времени (от тюркских каганатов до Монгольской империи). Во-первых, монголы контактировали с тюркоязычными народами - вероятными потомками номадов, некогда созидавших и населявших тюркские каганаты. Во-вторых, согласно развиваемой Т.Д.Скрынниковой идее, могла существовать генетическая дуальность правящей элиты зарождавшейся Монгольской империи, то есть сочетание в роду Чингис-хана монгольского и тюркского этнических элементов [Скрынникова 2012, с. 387-397; Скрынникова

¹¹ Аргументации данного тезиса посвящены наши работы: [Дробышев 2012, с. 274–314; Дробышев 2015, с. 240–249].

¹² Следует помнить, что помимо идеологических мотивов, монголы имели и вполне утилитарный расчет покончить с Цзинь: это государство принципиально отказывалось следовать старой китайской практике умиротворения кочевников, т.е., по существу, выплаты завуалированной под подарки дани за спокойствие на границе (см.: [Барфилд 2004, с. 263]. Вероятно, первоначально монголы предпочли бы видеть на месте чжурчжэньского государства обычную китайскую империю, с руководителями которой можно было бы договориться.

¹³ Напомним, что и сама ляоская элита была дуальна: киданьские принцы брали в жены девушек из уйгурского рода Сяо, а часть титулатуры Ляо, например иркин, тегин и др., была заимствована у тюрков [Wittfogel, Feng Chia-sheng 1949, с. 428–434].

2013, с. 106-110]. Потомки тюркских каганов могли не только добавить свою кровь, но и передать память о славном прошлом¹⁴. Однако насколько адекватной была эта память к началу XIII в., еще предстоит выяснить. Так или иначе, трансляция тюркского опыта построения империй вкупе с соответствующей идеологией заслуживает пристального внимания.

Роль чжурчжэней как «воспитателей» монголов представляется гораздо более скромной, несмотря на их тесные и полные драматизма взаимоотношения. Ко времени возвышения монголов чжурчжэни практически утратили свою пассионарность, однако, и в лучшие свои годы они не изобретали какой-либо новый мировой порядок. Усвоив от китайцев основные положения доктрины «мироустройства», цзиньская верхушка не стала навязывать Сун новые нормы межгосударственных отношений, а лишь заставила китайское государство занять подчиненное место в уже существующей, традиционной системе политических представлений [Гончаров 1986, с.73]. Хотя позже южносунский дипломат Чжао Хун сетовал, что чиновники «цзиньских разбойников» многому научили монголов [Мэн-да бэй-лу 1975, с. 52, 53, 55, 74, 78-79], кажется наиболее вероятным, что он имел в виду не чжурчжэней, а киданей и китайцев на службе у Цзинь. По данным И. де Рахевильца, за период с 1211 по 1215 гг. включительно на сторону монголов перешло 35 более или менее крупных цзиньских сановников, из которых 22 были китайцами, 9-киданями и только 4 - чжурчжэнами [Rachewiltz 1966, с. 105]. Аналогичный список за 1216–1227 гг. дает нам 23 человека, из них 22 китайца и 1 кидань - знаменитый Елюй Чу-цай (1189–1243) [Rachewiltz 1966, с. 119]. При этом практически за каждым дезертиром стояли десятки, сотни и тысячи подчиненных ему людей. По-видимому, чжурчжэни не спешили делиться со своими беспокойными соседями плодами собственной синизации. Из приведенных цифр следует и еще один вывод: в годы войны с Цзинь китайцы были союзниками монголов-ситуация, далеко не типичная для взаимоотношений между степняками и обитателями китайских

¹⁴ Известный кочевниковед А.М.Хазанов полагает, что концепция санкционированной Небом царской власти древних тюрков и монголов могла возникнуть независимо; она была известна уже у скифов [Хазанов 2004, с. 387].

равнин.

До сих пор мы обсуждали внешние силы, которые могли подталкивать кочевых лидеров, в частности Чингис-хана, к мечте о мировом господстве. Однако были и внутренние, рожденные в лоне Степи. Не касаясь сейчас личности самого Чингис-хана, а также роли известного Тэб Тэнгри, якобы нашептывавшего Чингис-хану, что само Небо повелевает ему стать властелином мира¹⁵, рассмотрим перспективную идею, выдвинутую Л.Мунх-Эрдэнэ [Munkh-Erdene 2011, с.211-237]. Обсуждая господствующие в науке взгляды на государство Чингис-хана как на продукт аристократического политического «творчества» либо как результат внутреннего развития родоплеменного кочевого мира, автор отстаивает гипотезу, согласно которой оно явилось реализацией модели, мастерски скопированной Чингис-ханом и его соратниками с Керейтского ханства, на рубеже XII-XIII вв. возглавлявшегося небезызвестным Тоорилом (Ван-ханом). Ханство имело необходимые признаки государства и традиции государственности. Будущий «Потрясатель Вселенной» не только был вхож в ближнее окружение керейтского лидера, с которым его отец Есугай был побратимом, но и стал его названным сыном. Идея единого государства «живущих за войлочными стенами» витала в дочингисовой Монголии, но фактически не воплощалась полностью: степь оставалась разделенной между главами различных родов. Наибольшей властью, возможно лишь номинальной, но зато общепризнанной, обладал Ван-хан. Эпизод с избранием «универсальным ханом» Джамухи ученый расценивает как плохо закончившуюся попытку части этих глав сместить Ван-хана, а вот Чингис-хану повезло гораздо больше - сначала он получил одобрение самого Ван-хана на главенство над монголами, а потом создал единовластное государство в границах бывшей керейтской гегемонии. Вывод отсюда следующий: «Итак, существуют веские доказательства, что государство Чингисидов было создано на месте керейтского государства, поскольку многие его институты были прямо смоделированы с последнего. Как таковое, государство Чингисидов явилось его сменой» [Munkh-Erdene 2011, с. 228]. Следует добавить, что сказанное характеризует лишь начальный период развития

¹⁵ О нем см.: [Cleaves 1967, с. 248–260].

Монгольской империи, и, хотя Чингис-хан первое десятилетие после своей интронизации действовал вполне в русле кочевой традиции, занимаясь грабежами у северных границ империи Цзинь, после штурма в 1215 г. северной столицы чжурчжэней - Пекина, он приступил к методичному уничтожению этого государства и захвату его земель. Маловероятно, чтобы кереитские лидеры всерьез помышляли о подобной экспансии.

Разумеется, для построения очередной кочевой империи вполне было бы достаточно собственного наследия, передававшегося в степях от поколения к поколению и от этноса к этносу, но мощное влияние китайской культуры, признававшей только одно легитимное государство под Небом - Китай и только одного законного правителя в мире - китайского императора, которое оказалось переосмыслено в Монголии при Чингис-хане и его преемниках благодаря киданьским советникам, расширило границы империи до тех пределов, которых достигали копыта монгольских коней.

Впрочем, цель данной статьи заключалась не в раскрытии идеологических механизмов становления Монгольской империи. Автор старался схематично показать, насколько сложным и бесконечно далеким от простого копирования чужого опыта было в Центральной Азии взаимодействие различных цивилизаций, обогащавших степную культуру «мироустроительными» идеями. Следовательно, у исследователей остается простор для творческого поиска - образно говоря, простор не менее широкий, чем сама Евразийская степь.

Литература:

- Барфилд 2004: *Барфилд Т.* Монгольская модель кочевой империи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 254–269.
- Бичурин 1950: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Гончаров 1986: *Гончаров С. Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун, 1127–1142. М.: Наука, 1986.
- Дробышев 2012: *Дробышев Ю. И.* У истоков имперской идеологии средневековых монголов // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLII. Ч. 3. М.: ИВ РАН, 2012. С. 274–314.

- Дробышев 2015: *Дробышев Ю. И.* Киданьские истоки монгольского «мироустройства» // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / Отв. ред. П. К. Дацковский. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 240–249.
- Малов 1951: *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
- Мартынов 1978: *Мартынов А. С.* Статус Тибета в XVII-XVIII веках. М.: Наука, 1978.
- Мейкшан 2016: *Мейкшан И. А.* Элита кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности в отечественной историографии 1920-х - начала 2000-х гг.: Дисс. к.и.н. Барнаул, 2016.
- Мэн-да бэй-лу 1975: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле, пер. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука, 1975.
- Попова 1999: *Попова И. Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. М.: Восточная литература, 1999.
- Скрынникова 1998: *Скрынникова Т. Д.* Восточноазиатская традиция и буддизм у монголов // Методологические и теоретические аспекты изучения традиционной духовной культуры Востока. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. С. 3–25.
- Скрынникова 2012: *Скрынникова Т. Д.* Древнетюркские корни правящей элиты Монгольской империи // Политическая антропология традиционных и современных обществ. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та, 2012. С. 387–397.
- Скрынникова 2013: *Скрынникова Т.Д.* Тюркизмы социальной лексики Монгольской империи // Монгольские языки: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г. / Отв. ред. П.О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 106–110.
- Сыма Цянь 2002: *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII / Пер. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца. М.: Восточная литература, 2002.
- Франке 2008: *Франке Г.* Роль государства как культурного элемента в полиэтнических обществах // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 347–376.
- Хазанов 2004: *Хазанов А. М.* Мухаммед и Чингис-хан в сравнении: роль религиозного фактора в создании мировых империй // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 382–406.

- Allsen 1986: *T. T. Allsen*. Guard and Government in the Reign of the Grand Qan Міңке // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. Vol. 46. № 2. P. 495–521.
- Biran 2004: *M. Biran*. The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // Medieval Encounters. 2004. Vol. 10. № 1-3. P. 339–361.
- Cleaves 1967: *F. W. Cleaves*. Teb Tenggeri // Ural-Altaische Jahrbücher. 1967. Vol. 39. S. 248–260.
- Ecsedy 1968: *H. Ecsedy*. Trade-and-War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1968. Vol. 21. № 2. P. 131–180.
- Fletcher 1979–1980: *J. Fletcher*. Turco-Mongolian Monarchic Tradition in the Ottoman Empire // Harvard Ukrainian Studies. 1979–1980. Vol. 3/4. Part 1. Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. P. 236–251.
- Franke 1978: *H. Franke*. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimizing of the Yüan Dynasty. München, 1978.
- Fray 2005: *R. N. Fray*. Church and State in Iranian History // Bull. of Asia Institute. New Series. 2005. Vol. 19. P. 27–28.
- Golden 1992: *P. Golden*. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
- Munkh-Erdene 2011: *L. Munkh-Erdene*. Where Did the Mongol Empire Come From? Medieval Mongol Ideas of People, State and Empire // Inner Asia. 2011. Vol. 13. № 2. P. 211–237.
- Rachewiltz 1966: *I. deRachewiltz*. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1966. Vol. 9. № 1–2. P. 88–144.
- Rachewiltz 1973: *I. deRachewiltz*. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire // Papers on Far Eastern history. Canberra. № 7. March 1973. P. 21–36.
- Rybatzki 2000: *V. Rybatzki*. Titles of Търк and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44. № 2. P. 205–292.
- Saunders 1965: *J. J. Saunders*. Nomad as Empire Builder: a Comparison of the Arab and Mongol Conquests // Diogenes. 1965. Vol. 13. Issue 52. P. 79–103.
- Sinor 1990: *D. Sinor*. The Establishment and Dissolution of the Търк Empire // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 285–316.
- Wittfogel, Feng Chia-sheng 1949: *K. A. Wittfogel, Feng Chia-sheng*. History of Chinese Society Liao (907–1125). Philadelphia, 1949.